

Мифологичность мышления героя в рассказе И.С.Тургенева «Касьян с Красивой Мечи»

«Записки охотника» И.С.Тургенева отразили не только социальное положение русского крестьянства 40-50-х годов XIX века, но и духовную жизнь крестьян, в которой огромную роль играют различные поверья. И.С.Тургенев в рассказах «Бежин луг» и «Касьян с Красивой Мечи» воплотил тип мифологического мышления, для которого характерна синкретичность, целостность восприятия мира во всех его проявлениях, постоянное ощущение взаимосвязи человека и природы.

Фольклорно-мифологические мотивы являются ведущими в следующем после «Бежина луга» рассказе «Касьян с Красивой Мечи». Во-первых, эти два рассказа соотносятся прежде всего тематически. В монологе Касьяна вновь возникает образ счастливой страны. Во-вторых, в образе главного героя И.С.Тургенев воплотил один из народных типов, тип крестьянина-мечтателя с поэтическим складом ума. В рассказе «Бежин луг» к этому же типу можно отнести Костю. Особо подчеркнем, что в образе Касьяна соединились два во многом противоречивых начала: христианское и языческое. Своими речами Касьян напоминает ветхозаветного пророка и в то же время герой мыслит мифологическими образами. Фольклорно-мифологические мотивы в рассказе «Касьян с Красивой Мечи» помогают оценить те или иные человеческие поступки с точки зрения народной мудрости, носителем которой является главный герой рассказа.

Необходимо обратить внимание на имя героя. У русских людей это имя ассоциировалось с именем преподобного Касьяна Римлянина, днем которого считалось 29 февраля. Касьянов день бывает только в високосном году. На Руси високосный год всегда считался опасным, ему приписывались несчастья и беды: будто и скот падает, и деревья засыхают, и поваральные болезни появляются, и семейные раздоры заводятся. Поэтому в народе сложилось представление о Касьяне как символе беды. В некоторых местах он даже не считался святым и не признавался русским. Само имя Касьян слыло как позорное. Существовало поверье о том, что «Касьяну подчинены все ветры, он держит их на двадцати цепях за двадцатью замками. В его власти спустить ветер на землю и наслать на людей и скотину мор» [1, с.150].

Когда И.С.Тургенев рисует в начале рассказа портрет Касьяна, то кажется, что это имя действительно соответствует герою: «Вообразите себе карлика лет пятидесяти с маленьким, смуглым и сморщенным лицом, острым носиком, карими, едва заметными глазками и курчавыми, густыми черными волосами, которые как шляпка на грибе, широко сидели на крошечной его головке. Все его тело было чрезвычайно тщедушно и худо, и решительно нельзя передать словами, до чего был необыкновенен и странен его взгляд» [2, с.84]. Автор не раз будет останавливать свое внимание на «тяжелом взгляде» Касьяна, который вполне отвечает тем представлениям, которые

существовали в народе. Глаз Касьяна считался очень опасным, советовали даже не выходить в Касьянов день из избы, чтобы не случилось несчастья: «Касьян косоглазый, от него, братцы, хороните все, живо сглазит, да так, что потом ни попы не отчитают, ни бабки не отшепчут» [2, с.83]. То, что Касьяна чтят один раз в четыре года, крестьяне объясняли согласно легенде, в которой говорится, что Касьян помог мужику вытащить воз, боясь испачкать райские одежды. Господь бог повелел служить за это Касьяну молебны через три года, в то время как Николаю Угоднику будут служить молебны два раза в год за то, что он помог крестьянину в беде.

Можно предположить, что И.С.Тургенев знал эту легенду, так как в рассказе он описывает похожую ситуацию. Когда рассказчик возвращался с охоты, у колеса в телеге сломалась ось. Кучер решил добраться до ближайших выселок, а потом что-нибудь придумать: «Въезжая в эти выселки мы не встретили ни одной живой души, даже куриц не было видно на улице, даже собак» [2, с.80]. Постепенно нарастает чувство беспокойства, тревоги, которое усиливается еще и тем, что по дороге в выселки охотники увидели похоронную процессию, а это, как известно, считается в народе очень плохой приметой. Таинственность происходящего напоминает начало рассказа «Бежин луг», когда заблудившийся охотник не может дать логического объяснения своим блужданиям.

В странных выселках среди безмолвия нашелся лишь один человек Касьян. По мнению исследователей, важным оказывается тот факт, что рассказчик встречает Касьяна не в его избе, хотя она рядом, а на самой середине ярко освещенного двора: «Это своего рода подобие знойных пустынь, в которые удалились от несправедного мира библейские пророки».

Чувствуя свое нравственное превосходство, Касьян, не смущаясь того, что перед ним барин, читает ему проповедь:

«— А вы кто такие? Охотники, что ли? - спросил он, окинув меня с ног до головы.

— Охотники.

— Пташек небесных стреляете небось?... Зверей лесных?... И не грех вам божьих пташек убивать, кровь проливать невинную?»

Касьян отказывается помогать барину, даже деньги не могут соблазнить его. Однако после недолгого раздумья он соглашается проводить охотника до рощицы. Отношение к тургеневскому Касьяну так же, как к святому, неоднозначно со стороны крестьян. Кучер Ерофей предупреждает барина, что Касьян может завести не туда, не стоит доверять ему. В то же время Ерофей называет Касьяна юродивым, а, как известно, русский народ снисходительно, даже благожелательно относился к этой группе людей. По словам Н.Бердяева, это характерно именно для русской религиозности [3, с. 81]. Такой необыкновенный человек, как Касьян, конечно же, вызвал пристальное внимание охотника. Рассказчик подробно описывает поведение «странного старика» во время охоты: «Он ходил необыкновенно проворно и словно все припрыгивал на ходу, беспрестанно нагибался, срывал какие-то травы, бормотал себе что-то под нос и все поглядывал на меня и на мою

собаку, да таким пытливым взглядом» [2, с.81]. В лесу Касьян ведет себя спокойно и уверенно. Он предпочитает «разговаривать» с жителями леса, а не со своими спутниками. Своими повадками Касьян напоминает лешего: он разговаривает с птицами и они слушают его (возможно поэтому охотник потерял так много времени, прежде чем смог убить птицу). В конце рассказа Касьян признается: «Барин, а барин, ведь я виноват перед тобой, ведь это я тебе дичь-то всю отвел» [2, с.84]. Все же один раз охотнику повезло: он убил коростеля. Необходимо обратить внимание на то, как ведет себя Касьян. П.Г.Пустовойт в своих работах отмечает, что И.С.Тургенев использует «принцип тайной психологии»: «...писатель никогда не изображает весь психический процесс, он задерживает внимание читателей лишь на внешних формах его проявления. Тургенев не говорит прямо о чувствах и переживаниях героев, не прибегает к монологам, а дает представление об этом при помощи жестов, многозначительных пауз, романтического пейзажа» [4, с.17].

Можно лишь догадываться о том, что чувствует Касьян после того, как охотник выстрелил: «Касьян быстро закрыл глаза рукой и не шевельнулся, пока я не зарядил ружье и не поднял коростеля. Когда же я отправился дальше, он подошел к месту, где упала убитая птица, нагнулся у траве, на которую брызнуло несколько капель крови, покачал головой, пугливо взглянул на меня» [2, с.79]. Реакция Касьяна на выстрел напоминает поведение испугавшегося ребенка, который от страха закрывает глаза. Касьян не может видеть, как на его глазах совершается грех.

Изображая человека, И.С.Тургенев прибегает к описанию природы. Природа помогает раскрыть переживания героев, их настроение и чувства. Рассказчик рисует картину прекрасного жаркого летнего дня и передает нам свое чувство восхищения величием природы: «Вы не двигаетесь – вы смотрите: и нельзя выразить словами, как радостно и тихо становится на сердце. Вы смотрите: та глубокая, чистая лазурь возбуждает на устах ваших улыбку, невинную, как она сама, как облака по небу...» [там же, с.79].

В тот момент, когда охотник наслаждается красотой природы, Касьян, словно прочитав его мысли, решился заговорить. Этот «странный» крепостной мужик старается устыдить барина, доказать ему, что нельзя убивать «птицу Божию»: «Кровь - святое дело кровь! Кровь солнышка божия не видит, кровь от свету прячется... великий грех показать свету, великий грех и страх. Ох, великий!» [там же, с.80]. В Ветхом Завете, в книге «Бытие», господь, обращаясь к Ною, сказал: «Все движущееся, что живет, будет отдано вам в пищу, как зелень травную даю вам все. Только плоти с душою, с кровию ее не ешьте». Касьян проповедует именно эту заповедь. Он заставляет задумываться над своими поступками по отношению к природе. Для людей то, о чем говорит Касьян, «странная речь»: «Бог его знает, то молчит как пень, то вдруг заговорит, - а что заговорит, бог его знает. Разве это манер? Это не манер. Несобразный он человек» [там же, с.85]. Касьян говорит словно по наитию. Речь его чем-то напоминает речь пророков: «Слова его лились свободно, он не искал их, он говорил с таким

одушевлением и кроткой важностию, изредка закрывая глаза <...> этот язык, обдуманно-торжественный и странный... я не слыхал ничего подобного» [там же, с.80].

«Странный мужичок» побывал во многих городах, видел разные земли. Есть у него мечта: побывать в тех странах, где живет «птица Гамаюн сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живет всяк человек в довольстве и справедливости» [2, с.82]. В речи Касьяна не случайно возникает образ птицы Гамаюн, так как эта «птица вещая». Упоминание о ней часто встречается в духовных стихах. Живет Гамаюн в раю и, если кричит она, пророчит счастье.

Нужно отметить, что мечта Касьяна о сказочных странах трактуется исследователями по-разному. Ю.В.Лебедев пишет: «В устах Касьяна получает окончательное оформление легенда о далеких землях, мечта народа о братстве и социальной гармонии» [5].

Немецкий ученый Клуге и Н.П.Бродский считают, что в Касьяне изображен представитель секты бегунов-странников. Члены этой секты отвергали наличие государственных и общественных институтов (в том числе и необходимость труда), они убегали от них. Такая точка зрения кажется не вполне правомерной, так как, во-первых, Касьян не убегал, а уходил с согласия своего барина. Во-вторых, Касьян признает общественные порядки: «При старом барине мы все жили на своих прежних местах, а вот опека переселила. Старый барин у нас был кроткая душа, смиренник, - емунебесное! Ну, опека, конечно, справедливо рассудила; видно, уж так пришлось» [2, с.82].

Безусловно, легенда о теплых странах имеет социальный аспект, так как подобного рода легенды отражали мечту народа о более легких условиях существования. Однако странствования Касьяна объясняются прежде всего его внутренними духовными потребностями. Поэтому более близкой нам точкой зрения П.Г.Пустовойта, который считает, что Касьян это тип народного правдоискателя: «Касьян вернее всего может быть назван одним из издавна существующих на Руси правдоискателей, личностный характер которых определялся их нравственной пытливостью и внутренней независимостью» [4, с.44]. Касьян бродит по свету в поисках правды, но не столько социальной, сколько нравственной. Для него главным является то, что «справедливости нет в человеке».

Касьян не только странствует, но и врачует, что еще более выделяет его из среды обыкновенных крестьян. В деревне любой человек, который обладал какими-либо знаниями и тем самым выделялся из среды заурядных людей, назывался знахарем или лекарем. Часто люди подозревали их в сношениях с нечистой силой, но в отличие от колдунов, знахари и лекари не продают ей душу: С.В.Максимов пишет: «На обвинения знахарей деревенский люд не скупился. Ночью знахарям нельзя было зажечь огонь в избе или продержатъ его дольше других без того, чтобы соседи не подумали, что он готовит зелье, а нечистый дух ему помогает» [6, с.152]. Обычно знахарями становились

старые люди, вдовы, престарелые девицы, холостяки. Так, в рассказе И.С.Тургенева Касьян не признается в том, что Аннушка его дочка. Не признается, потому что сам находится в положении подозреваемого и подвергать такой же участи свою дочь не хочет. Знахарей и лекарей боялись и уважали, так как они обладали огромным количеством знаний. Ведь к ним обращались в самых крайних случаях, когда крестьянин уже пользовался различными домашними средствами и установить причину болезни оказалось непросто. Поэтому и не смог Касьян спасти Мартына-плотника: «Поздно узнал».

Только одаренные знаниями и нравственно чистые люди могут стать лекарями: «Знахаря (в отличие от колдуна) не надо разыскивать по кабакам, не придется выслушивать его грубости, смотреть как он ломается, вымогает плату, угрожает и пугает своим медвежьим взглядом и посулом несчастий впереди» [6, с. 147]. Касьяну, как большинству истинных лекарей, свойственна скромность и даже в некоторой мере самоуничижение: «Лекаркой меня называют... Какая я лекарка! ... И кто может лечить? Это все от бога. А есть ...есть травы, цветы есть и слова такие... а кто верует-спасется...» [2, с.81].

Образ Касьяна И.С.Тургенев создает с помощью фольклорно-мифологических мотивов. В этом образе отразился характерный для русского народа тип мышления, в котором соединились элементы христианского и языческого мировосприятия. Как известно, христианская мифология - мифология совершенно иного типа, нежели языческая. Языческая мифология представляет собой безличный круговорот космических циклов и выбор между приятием или неприятием его в принципе невозможен. В центре внимания христианской мифологии стоит проблема личностного выбора.

Как было сказано выше, Касьян напоминает своими речами и поведением ветхозаветного пророка. В то же время ему свойственно языческое мировосприятие, которое очеловечивает окружающую природу. Достаточно вспомнить строки, описывающие поведение Касьяна в лесу, когда герой разговаривает с птицами и травами. Касьян мыслит мифологическими образами, в его речи возникает образ вещей птицы Гамаюн. К языческим мотивам можно также отнести представление крестьян о Касьяне как о лекаре-знахаре, а соответственно и о связи его со сверхъестественной силой. Так, в образе Касьяна органично переплетаются элементы христианского и языческого мировосприятия. Охарактеризовать их соотношение в мировоззрении Касьяна сложно: они неразделимы и составляют единое целое. Фольклорно-мифологические мотивы в рассказе «Касьян с Красивой Мечи» служит средством создания образа личности крестьянина в ее духовном развитии.

Литература:

1. Власова М.Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. – СПб., 1995.
2. Тургенев И.С. Записки охотника. – М., 1985.

3. Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века: судьба России. – М., 1997.

4. Пустовойт П.Г. Тургенев – художник слова. – М., 1987.

5. Лебедев Ю.В. «Бежин луг» в контексте «Записок охотника» // Литература в школе. – 1985. – 1985. - №5. – С.2-11.

6. Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. – Смоленск, 1995.